

МАТЬ И ДОЧЬ – ТРУДНОЕ РАВНОВЕСИЕ*

КАРИН БЕЛЛ

Отношения между матерью и дочерью рассматриваются в свете нескольких ключевых проблем, причем в центре стоит сложный процесс идентификации с матерью и отличия от нее. Обсуждается развитие и его осложнения в различные периоды жизни, такие как рождение, фаза сближения, эдипова фаза и подростковый период в связи с сексуальными влечениями и стремлением к автономии. Особое внимание уделяется протекающим между матерью и дочерью процессам идентификации и проекции, которые ведут к передаче некоторых конфликтов мать-дочь от поколения к поколению.

Попытки пересмотреть психоаналитические теории женственности делают отношения между матерью и дочерью и их влияние на развитие женщины важной темой. Несмотря на стремление создавать новые концепции, сохраняется непроясненность относительно уже имеющихся понятий и их практического применения (Chehrizi, 1988). Кроме того, имеются данные о том, что от пола терапевта зависит, какие именно концепции будут выбраны из числа имеющихся на данный момент (Kerz-Ruhling, 1991).

Последнее указывает на то, что вопросы, касающиеся развития женщины, тесно связаны с крайне эмоционально значимыми проблемами половых различий и значения матери для раннего развития, в результате чего на создание и выбор концепций в той или иной степени влияют и бессознательные представления.

В каждой женщине в виде я - и объектных репрезентаций, так сказать, «накоплены» разнообразные взаимодействия между матерью и дочерью. В некоем круговом движении, начиная с рождения, взаимодействие между матерью и дочерью разворачивается как

* Перевод выполнен по: Karin Bell. Mutter und Tochter – die schwierige Balance // Forum der Psychoanalyse, 1996, 12, 128-141.

возобновление и переоформление взаимоотношений, уже имевших место между двумя женщинами. При этом большую роль играют сновидения и идеальные образы. Неявным образом мать сообщает дочери, какой она хочет ее видеть, чем дочь может и должна быть, и дочь, вырастая, сознательно и бессознательно соотносит себя с сознательными и бессознательными ожиданиями матери (*Bergman, 1982, S.67*).

В данной работе сложный процесс идентификации и дифференцирования (*Bell, 1991; Mertens, 1992*) пройдет красной нитью через описание развития отношений между матерью и дочерью. Процесс этот мог бы разворачиваться с изяществом танца: стороны сближаются и отдаляются. Но часто вместо танца разворачивается жестокая борьба за сходство и несходство, борьба и соревнование, от которых страдают обе стороны.

Насколько сильная защита против всякого сходства с матерью может существовать у женщины, ясно, например, из работы Фрайди (*Friday, 1977*), согласно которой большинство интервьюируемых уверяют: «Я не могу себе вообразить ни единого свойства, которое бы я унаследовала от матери. Мы совершенно разные люди» (S.17). В дальнейшем для удобства изложения разные аспекты будут трактоваться по отдельности, однако в поведении женщин они проявляются в сложной переплетенности, что часто затрудняет их однозначную трактовку. Так, на всех стадиях развития от подросткового возраста до климакса, идут различные процессы идентификации с матерью, которые требуют от женщины новых способов реагирования.

РОЖДЕНИЕ ДОЧЕРИ

Именно при рождении дочери велика вероятность, что возродится и оживет отношение женщины к собственной матери. При позитивном отношении к собственной женственности, женщины фантазируют о своем собственном новом рождении в дочери. Согласно Бергману (*Bergman, 1982, S.79*), рождение дочери может связаться с желанием, происходящим из периода кризиса повторного сближения (*rapprochement*), приводя к триангуляции внутри нескольких поколений: быть маминым ребенком, и, как мама, самой иметь ребенка. К тому же может исчезнуть и чувство утраты матери, берущее начало в фазе сепарации-индивидуации. Для женщин, которые чувствуют, что не приняты своей матерью, или сами не могут принять свою мать, есть две возможности: либо они пытаются справиться с неразрешенными конфликтами, воссоздавая былые конфликты в отношениях с дочерью, либо чувствуют, что более или менее осознанно охвачены этими былыми чувствами.

Пациентка ищет терапевтической помощи по поводу депрессии. Началом депрессии, по ее словам, послужило то, что при первом взгляде в глаза дочери она увидела то же отвержение себя, какое видела в глазах матери. Пациентка жалуется на нехватку материнской заботы и на то, что

мать отвергает ее дочернюю заботу и воспринимает ее как навязчивое попечение, уничтожающее ее самостоятельность. Это привело к стойкой отчужденности, которая противоречит обоюдной потребности в хороших отношениях. Лишь в ходе терапии удалось ликвидировать разнообразные страхи, мешавшие непринужденному отношению пациентки к собственной дочери.

Из этого примера видно, как дочь, уже при самом своем появлении на свет, может реактивировать у женщины неосуществленные желания и сохраняющиеся страхи, возникшие в отношениях с матерью, и как эти желания и страхи женщина проецирует на дочь. Многочисленные недоразумения между матерью и дочерью заранее запрограммированы. Если мать поведет себя слишком агрессивно или, наоборот, слишком заботливо, дочь заметит, что к ней относятся не совсем естественным образом. Если она эту неестественность истолкует как отторжение, то возродится неразрешенный конфликт матери и бабушки.

Причины ощущения матерью того, что дочь ее отвергает, зависят от конкретных обстоятельств. Это может быть и собственная враждебность по отношению к матери, и неуверенность в роли матери. Также могут играть роль и зависть к дочери или соперничество с ней, возникающие в период до-эдиповых или эдиповых конфликтов.

Лойцингер-Болебер (*Leuzinger-Bohleber*, 1994) и Стерн (*Stern*, 1995) указывают на значение послеродовой депрессии матери для дальнейшего развития. Как в вышеописанном случае, воскрешение отношений с собственной матерью при рождении дочери может стать поводом к послеродовой депрессии. Описанное Стерном влияние неудовлетворительной настройки (*attunements*) и отражения (*mirrorings*) передается от матери к дочери и фиксирует в качестве центрального довербального опыта описанные выше «более зрелые» конфликты.

«Я – ЭТО МОЯ МАТЬ!» – ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ПРИ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ НЕВНИМАНИИ В РАННЕМ ДЕТСТВЕ

Прежде всего в исследованиях пограничной патологии было показано, что на процесс индивидуации может заметно повлиять эмоциональный дефицит в раннем детстве. Лишь когда ребенок примет в себя «достаточно хорошую мать» (в смысле Винникотта), он способен справиться с фазой разрыва и достичь постоянства объекта в смысле независимости от реально доступного материнского объекта. Нестерпимое чувство заброшенности может привести к тому, что мать интроецируется как целое (*Jacobson*, 1964). Поскольку у такой интроецированной матери отсутствуют «хорошие» свойства, одновременно сохраняется тоска по хорошим материнским объектам во внешнем мире, интрапсихически соответствующая цеплянию за хороший объект и фантазии, будто хороший объект может быть только один.

Сорокалетняя, с большим избыточным весом, пациентка страдает от тяжелых ипохондрических страхов, наступающих всегда, когда ей кажется, что ей чего-то недодали. Биографически обнаруживается крайняя эмоциональная заброшенность наряду с оральной зависимостью. В ипохондрическом состоянии включается защита от негативных аспектов материнской объектной репрезентации, то есть отщепленной ненависти к матери, и от негативных сторон я-репрезентации (когда Я воспринимается как ненасытно жадное) и сопутствующего этому чувства вины.

В ситуациях внешних лишений пациентка вступает в контакт со своими диффузными тревогами и агрессивными тенденциями, отщепленный «плохой» материнский интроект оживляется. Пациентка говорит: «Я не «как» моя мать, я просто – она: у меня ее тело, ее недомогания, ее мнительность. Она бежит по врачам, я тоже: я не могу примириться с тем, что никакой настоящей матери у меня нет и не было».

Как и в детстве, пациентка безуспешно пытается успокоиться с помощью еды. Но действительно находит успокоение, хотя и ненадолго, при посещении врачей, если там правильно откликаются на ее предложение вступить в человеческие отношения. Врач должен не проводить обследования или ставить диагноз (от этого ее тревога только возрастает), а компенсировать дефицит материнской объектной репрезентации, успокоить ее, утешить и внушить чувство, что они всегда в ее распоряжении. Разумеется, это поверхностное успокоение действует недолго, пациентка впадает в «зависимость от врачей».

Этот пример показывает возможные последствия интроекции имаго матери, к которому пациентку отсылают повседневные ситуации фрустрации, напоминающие о тяжелом невнимании к ней в детстве. И в стремлении навязать другим общение с нею, и в навязчивой еде пациентка по сей день пытается воплотить в себе образ «хорошей матери».

КАК СТАТЬ И ПОХОЖЕЙ, И НЕПОХОЖЕЙ: ПРОЦЕСС ИНДИВИДУАЦИИ В ФАЗЕ ПОВТОРНОГО СБЛИЖЕНИЯ

Примерно с пятнадцатого месяца, когда девочка начинает называть себя девочкой, перед ней встают две задачи взросления, тянущие ее в разные стороны: как девочка она должна отождествить себя с женственностью матери; однако развитие автономии делает необходимым развитие отдельной от матери идентичности. В самом благоприятном случае девочка колеблется между полюсами сепарации и идентификации, но бывает, что она чувствует, что разрывается между этими полюсами. К этому прибавляется еще и та трудность, что именно в этот период нужно выработать сознание, что мать не является постоянно доступным объектом.

Дополнительно к этим внутренним полюсам мать устанавливает для дочери собственные ориентиры: либо требуя автономии вплоть до

отторжения, либо подчеркивая общность вплоть до поглощения. При этом на нее влияет опыт сепарации от собственной матери. С большей легкостью мать справится с этой ситуацией, если ею не слишком сильно управляют собственные детские переживания, которые могут выражаться в чрезмерной идентификации со стремлениями либо к слиянию, либо к автономии. Это повлияет, например, на то, как она будет реагировать на первые шаги дочери. Мать подбодрит взволнованную дочь и скажет: «Смелее!» – или, наоборот, укрепит дочь в мысли, что «снаружи опасно», поскольку сама так думает вследствие собственных страхов перед сепарацией со своей матерью.

Выросшая без отца пациентка, которая сумела справиться с отдалением от матери, лишь резко с ней порвав (что она переживает как свою вину) и прекратив все контакты, говорит: «Во мне два человека: я – это и моя мать, и я сама. Сюда я пришла вместе с ней. Она стоит со мной перед вами и говорит «Побраните этого гадкого ребенка, она хочет меня бросить и уйти в этот гадкий мир». Я все время жду, что вы будете меня ругать. И вы должны это делать, потому что я такая же прилипчивая и вечно недовольная, как моя мать. Для меня никто достаточно не хорош, но хочется, чтобы все люди были только со мной. Она меня хотела удержать при себе, а про всех других говорила, что они гадкие. А что вы меня не держите, это меня и успокаивает, и злит».

Можно было бы сказать, что эта пациентка застыла в конфликте зависимости-автономии по отношению к матери. Страх перед поглощением делает ее в отношениях с людьми недоверчиво отторгающей, причем в то же время она тоскует по каким-то исключительным отношениям.

Беньямин (*Benjamin*, 1990) и другие исследовательницы с сожалением отмечают, что развитие автономии у девочки неизбежно останется недостаточным, пока она не сумеет воспринять и мать как автономный объект со своими собственными правами.

Это свидетельствует о некоей ущербности: внутри патриархально устроенного общества женщине очень нелегко ощущать себя автономной и одновременно отождествить себя с образом матери/женщины, тоже ощущаемой как нечто автономное.

Но, начиная с работы Гиллигана (*Gilligan*, 1982), многие ставят под сомнение концепцию автономии в ее абсолютной форме и рассматривают ориентированность женщины на других как специфически женскую потребность.

Если разделять эту точку зрения, то тогда должен быть найден внутренний баланс между индивидуацией и ориентированностью на других.

Все это показывает, как трудно женщине переживать стремление к автономии в межличностных отношениях. С психоаналитической точки зрения отсылки к социальным половым ролям, конечно, недостаточно. На

развитие половой идентичности наряду с социальными ожиданиями относительно половых ролей сильное влияние оказывают также идентификация и взаимодействие с матерью и отцом, внутреннее усвоение как родительских ожиданий и тревог, так и собственных сознательных и бессознательных фантазий по поводу собственного тела (Mertens, 1992). Я-идеал какой-то во всем хорошей матери, никогда не оставляющей ребенка (Bell, 1991), женский страх, легко ассоциирующий отдаление с разрывом отношений, или чувство вины, связанное с агрессией периода сепарации, могут остаться в качестве рудиментов изначального взаимодействия маленькой дочери с матерью.

При этом дочерние ожидания (мать в принципе должна всегда быть рядом, но – когда нужно – и предоставлять независимость) сплавляются с реакциями матери на эти ожидания, образуя сложную взаимосвязь. Судя по всему, обеим участницам диады нелегко приписать агрессию разрыва друг другу, так как в отношении к дочери возрождается тоска по «идеальным», то есть глубоким и свободным от агрессии отношениям мать-дочь. Поэтому агрессия разрыва со стороны и матери, и дочери подавляется при помощи некоей взаимной тонкой настройки. При этом – из-за анатомических факторов – поддержание тела в чистоте дочь ощущает как вторжение и неуважение границ ее тела со стороны матери. Поэтому внутри реальных отношений мать-дочь возникает иногда всю жизнь длящееся недоразумение: дочь приспосабливается к действительным или предполагаемым ожиданиям матери и чувствует себя копией, лишенной индивидуальности. Вина за это приписывается матери, воспринимаемой как посягательница. А если мать не вмешивается, то это нередко толкуется как холодность и безразличие.

А мать, со своей стороны, способна контролировать свои собственнические и идентификаторские инстинкты и воспринимать дочернюю индивидуальность лишь в том случае, если она сама приобрела достаточную дистанцию от подобной идентификации с собственной матерью. Эти сложности с возможной дифференциацией, вызванные прежде всего страхом перед разрывом, усиливаются еще и тем, что девочка начинает явно ощущать себя девочкой и одновременно берет мать за образец формирующейся половой идентичности. Загвоздка в том, чтобы и использовать образ матери как женщины, и критически его переосмыслить, создав собственный (Glover & Mendell, 1982).

Бернштайн (Bernstein, 1993) в связи с этим говорит о взаимодействии: «Борьба за автономию-индивидуацию происходит в двух направлениях – по отношению к собственному телу девочки и в отношениях с матерью» (с.538) и «это именно тот момент, когда дети борются за «контроль» над собственным телом. Приближение к матери грозит возвратом погруженности в нее и диктует «Да» (Я такая же, как ты) именно там, где стремление к автономии требует «Нет» (Я – другая)» (с.548). В терапии между двумя женщинами возможна трансферентная и

контртрансферентная реактивация этих конфликтов, при которой возникает опасность запутаться в проблемах отстранения от собственной матери. Это можно пояснить двумя примерами.

ТЯГА К КОНТАКТУ И СТРАХ ПЕРЕД НИМ

Находясь дома, пациентка с радостью думает о визите ко мне, а придя ко мне, становится хмурой, не хочет со мной разговаривать. Она думает о том, не носить ли ей платье вместо брюк, но когда я задаюсь тем же вопросом, ей это не нравится, и она вообще не хочет разговаривать со мной про эти вещи. Эти метания начинают меня раздражать, и я пытаюсь ободрить пациентку и установить контакт с помощью реплики: «Вы не решаетесь углубляться в эти женские темы, проявлять любопытство». Мою реплику она понимает как упрек и реагирует неуступчиво, а я тогда кажусь себе навязчивой и решаю, что меня заслуженно осадили.

Поиски возможных мотивов приводят меня к интерпретации: возможно, у ее сдержанности есть основания; хотя она сама и любопытна, но любопытство своей матери она всегда ощущает как навязчивый контроль. Значит, она не хочет обращаться со мной как ее мать, которая всегда пыталась контролировать ее гардероб, и не хочет, чтобы я так с ней обращалась. Не так легко отличать общность интересов от навязчивости.

ТЯГА К ОТЛИЧИЮ

В этом случае прошло некоторое время, пока я, проанализировав перенос, не нашла ключей к тому, почему пациентка, несмотря на мои старания, по непонятной ни для себя, ни для меня причине казалась себе такой одинокой. Она жаловалась, что я обращаюсь с ней слишком бережно. Ей хотелось бы видеть во мне личность, с которой она могла бы спорить.

Когда я слишком к ней принаравливаюсь, ей кажется, что она под наблюдением, окружена со всех сторон, все равно одинока. Будучи дочерью сильной матери, эта пациентка всегда пыталась добиться от матери признания своих собственных интересов и особенно своей витальности, и потерпела в этом неудачу. Болезненные отстранения матери, за которыми всегда следовали предложения помириться, она воспринимала как нехватку уверенности в себе.

Мать ей казалась слабой, и она чувствовала, что материнская слабость незаметно блокирует ее собственную экспансивность. Она хотела бы посещать такого врача, с которым можно было бы открыто не сходиться во мнениях. Когда я пыталась принаровиться к ее внутреннему миру, то казалась ей такой же бесформенной, как ее мать. Анализ моего взаимодействия с пациенткой показал, что я по отношению к ней незаметно, и как раз потому, что она жаловалась на одиночество, заняла сверхзаботливую, бережную позицию и не решалась хотя бы иногда с ней не соглашаться.

Если первая пациентка ощущала свою мать прежде всего как навязчивую и настаивающую на своих мнениях, боялась любой формы анального овладения и со мною робела, то вторая пациентка воспринимала свою мать как бесформенную и жаловалась на ее боязливую отстраненность от любых имеющих анальный отпечаток конфликтов, в которых она проявилась бы как женщина с собственными мнениями.

«ОБ ЭТОМ НЕ ГОВОРЯТ» – СЕКСУАЛЬНЫЕ ТЕМЫ В ОТНОШЕНИЯХ МАТЕРИ И ДОЧЕРИ

На взаимодействие между матерью и дочерью, касающееся этой области, накладывает отпечаток материнское восприятие дочери как существа, способного вызывать и переживать наслаждение, и особенно отношение матери к дочерней мастурбации, которая начинается примерно на пятнадцатом месяце жизни.

Хотя в этой области существуют сложные эмоциональные и когнитивные взаимовлияния – взаимообусловливания, усиления или торможения, в целях большей ясности я различаю именование, одобрение и взаимодействие.

Лернер и Бернштайн описывают, как неверные названия женских гениталий или их неназывание создают трудности для ментальной репрезентации невидимых самой девочкой гениталий.

Однако нужно исходить из того, что самого по себе именованная (лишенная аффективной оценочности, если это вообще возможно), не достаточно. Согласно Стерну, для включения определенных способов поведения в я-концепцию недостаточно, чтобы такое поведение было просто терпимым. Поведение должно быть подтверждено откликом – а именно этого часто не хватает девичьей мастурбации.

У нескольких моих пациенток выявилась специфическая травматическая ситуация: после того как мать в анальную фазу одобрительно признала растущие способности дочери, а тем самым и дочернюю потенцию и креативность, постепенно эти способности в глазах матери потеряли свое значение. В следующей фазе, которую называют «фаллически-нарциссической», мальчики, как правило, могут разделить с матерью наслаждение при фаллическом эксгибиционизме. Однако, судя по всему, матерям, испытывающим помехи в собственном эксгибиционизме, не удастся поддержать дочь, когда та получает наслаждение от прикосновения к своему телу. После того как девочка с гордостью воспринимала одобрение своей анальной компетенции, со своими нынешними эксгибиционистскими желаниями и со своей потребностью в их отражении матерью она нередко упирается в пустоту. Часто это приводит к тому, что такие потребности начинают восприниматься как постыдные.

Отсутствие одобрения может привести к таким примерно представлениям о женском теле: «Ничего видимого, ничего осязаемого; все внутри, и я не могу это вывести наружу». А это, в свою очередь, приводит к тому, что даже сильные женщины жалуются на чувство неполноценности: с одной стороны, женщина думает, что может все, с другой – часто боится, что ее разоблачат как мошенницу. Буркхардт (*Burkhardt*, 1994) указывает еще и на то, что матери редко обращаются к репрезентации собственной матки как выражению творческих сил женщины. По поводу стыда, возникающего у девочек из-за утраты анального всемогущества, стоит подумать, не ослабнет ли этот стыд, если на этой фазе мать сумеет сообщить дочери образ «истеры» как символа женского могущества.

Бернштайн (*Bernstein*, 1993) подчеркивает, что девочке приходится верить матери, когда та говорит, что у нее внутри что-то есть, потому что собственные наблюдения ее в этом не убеждают. Поэтому недостаток доверия к матери, вызываемый самыми разными причинами, может привести к тому, что дочь не поверит матери, даже когда ее собственная женственность одобряется.

Последствиями дефицита эротического одобрения занимается и Оливье (*Olivier*, 1987), который исходит из того, что отношениям матери и дочери не хватает «эротического блеска» в глазах матери. Следует, однако, усомниться в том, что в этом «дефиците блеска» мы имеем дело с естественным феноменом. Запреты на онанирование или на эдипово соперничество, возникающие из отношений с матерью, могут противостоять одобрению пробуждающейся дочерней сексуальности точно так же, как и гомосексуальные страхи. Дочернее тело может превратиться в спусковой механизм эротических фантазий, которые, с одной стороны, вызывают почти осознаваемые страхи перед инцестуозными посягательствами, но с другой – могут указывать и на оживление эротических фантазий, сосредоточенных вокруг тела самой матери.

В такой ситуации нелегко внушить дочери чувство, что у нее, у маленькой девочки, в теле есть нечто возбуждающее и прекрасное, с помощью чего она может доставлять другим и сама испытывать наслаждение. А признание аутоэротических стремлений девочки способствовало бы ее независимости от матери.

Но при существующих общественных отношениях легче найти мать, которая на нарциссически-эксгибиционистские стремления дочери реагирует болью перед сепарацией, реакциями сверх-Я и чувством стыда. Таким образом, область гениталий у девочки может превратиться всего лишь в зону, которую надо содержать в чистоте и которая тем самым оказывается подвластна анальному контролю со стороны матери.

Но, согласно Бернштайн, возврат к анальным механизмам контроля представляет собой независимую от матери попытку девочки справиться одновременно с генитальным страхом перед собственной открытостью

(вагина воспринимается как дыра, которую нельзя закрыть) и с возникающей из-за него потребностью в контроле.

В качестве еще одного аспекта я хочу упомянуть эротическое взаимодействие между матерью и дочерью. Обсуждается значение негативной эдиповой фазы, в которой происходит активное эротическое ухаживание за матерью; следует эта фаза за доэдипово-генитальной диадически ориентированной фазой: у девочки появляется возможность, активно ухаживая за матерью, чувствовать себя равноправной, отчего укрепляется ее уверенность в себе как в маленькой женщине. Девочка надеется, что мать считает ее привлекательной и желанной.

Впрочем, мне кажется затруднительным различать между нарциссическим желанием одобрения и гомосексуальным ухаживанием за матерью, поскольку данные фазы следуют непосредственно одна за другой, с тех пор, как я обратила на это внимание, тоска дочери по тому, чтобы мать одобрила ее сексуальность, проявляется у меня в практике все чаще: иногда в форме мимолетных гомосексуальных переносов, которые можно возвести к негативной эдиповой фазе, а иногда весьма конкретно, когда пациентка сообщает, что ее мать раздраженно реагирует или закрывает глаза на онанирование внучки, в то время как она, мать, хотела бы благожелательного приятия.

Несмотря на то, что подобные желания были испытаны при собственной социализации, у нее возникают проблемы в отношении дочери, которые выявляются не столько в принятии, сколько в подчеркнута деловитом обращении с дочерью (редукция к именованию). Возникает боязнь одобрить дочь наряду со страхом ее ограничить, потому что, например, об онанизме публично нельзя говорить, нарушая границы стыда и интимности. На раннюю тоску девочки по признанию ее сексуальности со стороны матери часто – при взаимодействии матери и дочери – накладывается стремление к автономии (точнее – желание сохранить за собой собственную сексуальность), возникающее в пубертатный период. Очевидно, пубертатный баланс между желанием быть ближе к матери и дистанцироваться от нее установится, скорее всего, в том случае, когда имелось раннее одобрение дочерней эротической активности, и мать воспринималась не просто как мать, но и как сексуальное существо с собственными потребностями и интересами.

Из вышеизложенного ясно, как сильно влияют друг на друга, друг другу мешая или способствуя, интеграция психосоциального пола и психосоциального тела в Я, с одной стороны, и одновременно происходящее развитие автономии, с другой. Свой специфически женский облик репрезентации пола и тела сохраняют благодаря переработке телесных восприятий и генитальных страхов в связи с желанием доверительных, тесных отношений с матерью, «такой же, как я», и желанием ощущать свою ограниченность и отличие от матери. В терапии

нередко встречается отношение между матерью и дочерью, которое я бы назвала «синдром плохой дочери».

Нарциссические нарушения у матери, касающиеся ее ценности как женщины, и неуверенность в материнской функции мешают ей позитивно оценить свою дочь как маленькую девочку и будущую женщину.

Поскольку границы Я и объекта между такими матерями и дочерьми недостаточно прочны, мать проецирует свои собственные потребности на дочь и на эти спроецированные потребности реагирует либо депрессивным самопожертвованием, либо строгим контролем.

После недавнего развода мать безутешна из-за смерти своего сына. Но к врачу она обращается из-за 10-летней дочери, Анны, так как считает, что дочь не оправилась после смерти брата и остро нуждается в помощи: во время разговора с Анной и ее матерью я впадаю в состояние нарастающей растерянности, так как уже не могу разобрать, кто из них на кого ориентируется. Верно, что Анна – задумчивая, редко бывающая веселой девочка, но она отрицает, что это связано со смертью брата: мне кажется, что Анна обеспокоена депрессивностью матери и что она печальна и растеряна, потому что не может достучаться до сосредоточенной на умершем сыне матери и ее успокоить. Мать Анны, напротив, проецирует на Анну собственную потребность, то есть желание обрести поддержку. Собираясь послать Анну к врачу, она одновременно хочет избавиться от спроецированной на Анну зависимости (ср. также *Bergman*, 1982).

Данный пример показывает условия возникновения «синдрома плохой дочери», когда дочь, в качестве контейнера материнских нужд, охвачена чувством собственной никчемности, так как она не способна свою мать успокоить. Между протагонистками осуществляется сложное взаимодействие – между проекцией и индентификацией, попытками дочери приноровиться к нуждающейся в чем-то матери и материнскими проекциями, а также реакциями матери на спроецированные на дочь я- и объектные репрезентации.

«МОЯ МАТЬ ТАК НЕ ПОСТУПАЕТ» – ДЕСЕКСУАЛИЗАЦИЯ МАТЕРИ КАК ЗАЩИТА ОТ ЭДИПОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Эдипова фаза в развитии девочки активизирует у матери эдиповы конфликты, которые – в их позитивном варианте – описывает Мертенс (*Mertens*, 1994) во внутреннем монологе матери:

«Скоро он (отец) совершенно поддается ее (дочери) соблазнительности... и я стану для него меньше значить. Но, с другой стороны, я ее люблю за то, как женственно и соблазнительно она уже теперь его обхаживает. Мне страшно, что когда-нибудь она завладеет им одна».

Нередко девочка вступает в эдипов лабиринт с тяжелым грузом напряженности по отношению к матери, еще со времени индивидуации. Если опыт этой фазы (кого-то одновременно ненавидеть и в душе любить) не привел к преимущественно хорошим объектным и я-репрезентациям, то ненависть к эдипальной сопернице вызывает сильный страх и с самого начала подавляется.

На примере вышеописанного случая с выросшей без отца пациенткой видно, что за ненавистью к матери нередко кроется неудавшееся отстранение от нее, когда от тоски по каким-то исключительным отношениям и от страха перед ними можно защититься только с помощью жесткого отталкивания.

Если, как в случае с описанной пациенткой, у матери партнера нет или отношения пары неудовлетворительны, то матери трудно смириться с любовью отца к дочери – и прежде всего если сама она ребенком из-за своей преданности матери переживала эдипово сближение с отцом, испытывая чувство вины и страха.

Фрайди (*Friday*, 1977) упрекает матерей в том, что они внушают дочерям ложный сверх-идеализированный образ материнской любви и при этом принижают значение мужчины и женской сексуальности для идентичности женщины. Это действует на дочь как запрет на собственную сексуальность, при том что сама мать занимается тем, что запрещено. И это оказывается отъявленной ложью, особенно если мать уверяет дочь, что они с ней подруги, которые все друг другу должны рассказывать.

Наряду с матерями, скрывающими собственную сексуальность, Фрайди описывает матерей, которые теряют после родов всякий сексуальный интерес и как раз после рождения дочери уходят в мир без мужчин. Отрыв от такой матери вызывает у девочки особенно сильное чувство вины – ей страшно внутренне отмежеваться от матери, поскольку она чувствует ее разочарование и печаль.

Независимо от всех личных осложнений между матерью и дочерью, нужно все же сказать, что приятие сексуальных отношений между мужчиной и женщиной, в которых ребенок не может участвовать, – это трудная задача.

Поэтому в выводах Фрайди есть определенная амбивалентность.

Требую от матери, чтобы та защищала свою сексуальность и транслировала дочери то разочарование эдиповой фазы, о котором она сама смутно помнит, Фрайди в то же время сожалеет о том, что мать исключает дочь из своей генитальной сексуальности.

Сон одной из пациенток показывает ее колебания между эдиповыми желаниями и вызванным ими страхом разрыва: «Она на приеме в доме своих родителей. После долгой разлуки встречает своего мужа. Вспышка чувств. Он говорит: «Пошли наверх». Когда они входят в ее комнату, она думает: «Если мы это сделаем, все об этом узнают». Они ложатся в постель и спят вместе, когда входит ее мать. Муж предлагает ей про-

должать». Пациентке очень неловко рассказывать мне этот сон, особенно потому, что она чувствует, что очень ко мне привязалась. Я обсуждаю содержащиеся в сновидении импульсы к сепарации и навязчивость матери.

На этом сеансе пациентка признается, как она боится впускать между нами что-то постороннее и особенно сексуальные контакты с мужчиной. Она не хочет спать со своим мужем, потому что думает, будто или обязана мне об этом потом рассказать, чего ей не хочется, или меня отстранить, чего ей тоже не хочется.

Лакснесс (*Laxness*, 1933), исландский писатель, очень наглядно описывает отчуждение, которое может возникнуть между матерью и дочерью из-за сексуальности матери.

«Когда мать отходит от постели дочери, чтобы пойти к мужчине, малютка вдруг понимает, что уже не лежит на руках у матери. Она жила в блаженном заблуждении, будто облик и жесты, слова и поступки одной из множества женщин мира не только были ее матерью, но были ее матерью и больше ничем...

Но теперь дитя осознает, что эта женщина не только была матерью малютки Салки, но вела свою, отдельную жизнь, пока малютка Салка спала... Этой ночью Салка Валка потеряла мать» (S.63).

Огден (*Ogden*, 1987) развивает интересную концепцию относительно переходных эдиповых отношений. Согласно этой концепции, маленькая девочка влюбляется в мать, еще не вполне отделенную от Я девочки, а мать, бессознательно отождествляясь со своим собственным отцом, предоставляет себя в качестве эдипового переходного объекта. Поэтому она может сказать девочке: «Если б я была мужчиной, я бы в тебя влюбилась...» (пит. по *Mertens*, 1994, S.88).

Следовательно, дело в том, чтобы мать смогла приспособиться к дочери на эдиповой фазе и помогла ее развитию от диадических отношений к отношениям с отдельным, не подчиненным детскому всемогуществу, эдиповым отцом. В дальнейшем это помогало бы и дочери увидеть в матери на эдиповой фазе личность с собственными, от ребенка независимыми, интересами и отказаться – пусть с обидой и возмущением – от веры в то, что она сама, дочь, обладает ключом к удовольствиям матери.

Лишь после того как эдипово разочарование переработано, дочь сможет отказаться от реактивного обесценивания матери в роли сексуальной женщины и не считать несовместимыми материнство и женскую сексуальность.

«ДВЕ ЖЕНЩИНЫ, ИЛИ НАВСЕГДА МАТЬ И ДОЧЬ» – ВЗГЛЯД НА ПОДРОСТКОВОЕ РАЗВИТИЕ

В подростковый период создается новая схема конфликта матери и дочери. Вновь обостряется противоречие на уровне тела и проблем сходства-несходства, наряду с возобновлением эдиповых конфликтов.

Взрослеющее тело дочери начинает походить на тело матери и поэтому требует и похожих способностей – а это ведет к возобновлению ранних фантазий о женских гениталиях и женском теле. Одновременно оживают (но более осознанные, чем в детстве, и усиленные социальными ожиданиями) темы отделения и самостоятельности.

Согласно Кингу (*King, 1995*), удачное разрешение этого парадокса заключается в «возможности фантазматической идентификации с матерью как с роженицей в том смысле, что дочь рождает себя самое в качестве женщины и в этих родах отделяется от матери» (S.340).

Важным импульсом к этому может стать начало менструаций, так как оно побуждает девочку погружаться не только в фантазии относительно первичной сцены (отношения полов, зачатие), но и в фантазии о беременности, содержимом материнского чрева, родах, кормлении. Бессознательные фантазии о сексуальности и потенции матери и о сексуальных отношениях родителей играют важную роль в том, приведут ли менструации к укреплению женской идентичности или усилят страх перед вторжением внутрь тела (*King, 1995*). Боязнь «влажности», происхождение которой непонятно, и менструаций Бернштайн (*Bernstain, 1993*) описывает как типично женский подростковый страх, в результате которого может возникнуть регрессия к страхам и конфликтам с матерью по поводу контроля за мочевыми путями и сфинктером. Поскольку Бернштайн исходит из того, что в фазе повторного сближения удачная интеграция тела в Я может произойти только на основе доверительных отношений с матерью: «Девочка должна положиться на доверие, зависимость и идентификацию... это приводит к объектному укреплению существования девочки» (S.556), – то менструация как символическое достижение материнской способности к деторождению может ощущаться как исполнение материнских обещаний. Возможно, в этом источник того восторга при начале менструаций, о котором сообщают некоторые женщины. Способность прилепиться к доверительным отношениям с матерью и тем самым приобщиться к непрерывности женской линии в семье помогает переработать соперничество и зависть по отношению к матери и в себе самой обнаружить предмет своей зависти. Этот процесс присвоения может осложниться чувствами соперничества и зависти со стороны матери. Хаазе (*Haase, 1992*) исходит из того, что при начале менструаций дочь хочет, чтобы мать подтвердила наличие женского и эротического в теле дочери, а значит, мать должна быть уверена, что ее эротике не угрожают зависть и соперничество, а это удастся лишь тогда, когда она интернализировала границу поколений.

В терапии такое встречается редко. Мать и дочь обычно довольно беспомощны в реакциях на менструации. Желание имитировать мать

входит у дочери в конфликт с чувством стыда и нежеланием отдавать свои телесные функции под материнский контроль, а также с нежеланием самой матери контролировать тело дочери. Эти чувства напоминают описанные выше колебания и затруднения. Отношениям матери и дочери угрожает к тому же и подростковое стремление отделиться. Как раз у тех матерей, которые, защищаясь от эдиповых страхов, полностью свели себя к «материнству» (Chodorow, 1985), просыпающаяся сексуальность и отдаление дочери вызывают сепарационную тревогу. В этом случае мать пытается удержать и/или контролировать дочь. А дочери нелегко уклониться от посягательств матери на ее независимость.

Пациентка говорит: «Я люблю мать, но у меня с ней страшные конфликты. Это ее заслуга, что я такая. Она отдала мне все лучшее, хотя сама в браке была несчастна и одинока. Могу ли я теперь ее бросить?»

Несмотря на соответствующее возрасту желание отдалиться, в это время девочки очень рассчитывают на женскую поддержку. Поэтому они замещают мать какой-нибудь взрослой, чаще всего идеализированной, «тетушкой» или обращаются к «лучшей подруге», которая во время внутреннего отдаления от матери поддерживает их точно так же, как и группа сверстниц, члены которой нередко разделяют восхищение какой-нибудь учительницей, актрисой и т.п. (Dalsimer, 1993).

Подростковый возраст требует и новой переработки эдиповых чувств зависти и вины, о чем пишет Фрайди (1977): «Величайший источник нашей любви – это наше самое отчаянное соперничество!» (S.159).

Как может обстоять дело, если и сепарация терпит неудачу, и эдиповы осложнения не распутаны, самым выразительным образом демонстрирует фильм Ингмара Бергмана «Осенняя соната»: дочь видит в матери могущественное существо, ненавидит ее, и преодолеть эту ненависть невозможно. А по страху матери ясно, что она запуталась в материнском переносе по отношению к дочери. Трагическое поражение обеих женщин можно понять по нескольким цитатам:

Дочь: «...при этом всю свою энергию ты тратила на меня. Мне тогда было 14. Я должна была все делать именно так, как ты... и я никак не сопротивлялась. Я повторяла все, что ты хотела. Я не понимала, что ненавижу тебя. Вместо этого я испытывала страх.

Мать: «Я всегда тебя боялась. Я хотела, чтобы ты меня обняла и утешила. Я знала, что ты чего-то от меня ждешь, и боялась этого. Я не хотела быть твоей матерью. Я хотела, чтобы ты поняла, что я так же беспомощна, как ты».

Женщины не перестают быть матерями и дочерьми, и даже если у них нет детей, в них заложены эти образы – и во благо, и на беду. «Не знаю, в каком возрасте я поняла, что мать несовершенна. Ее жизнь не сводится только ко мне: было это в том же возрасте, когда я приняла

ужасное решение, что она – не та женщина, которой я хотела бы стать» (*Friday*, 1977, S.16).

До самого конца жизни женщины могут предъявлять претензии матери и перекладывать на нее ответственность за собственные недостатки.

Терапия может помочь изменить это переложение ответственности, признать собственный вклад в эти проблемы и распутать многие осложнения между матерью и дочерью. Если по ходу терапии у женщины развивается понимание (в смысле эмпатии) судьбы собственной матери, то она приобретает некое уважение к непрерывности, преемственности женских переживаний.

Желание и страх слиться с матерью, быть на нее похожей неразрывно связаны с желанием быть иной, чем мать. Если этот трудный баланс ощущается и интегрируется, то женщина может стать и станет одновременно и иной, и похожей.

Перевод Г.М.Дашевского

ЛИТЕРАТУРА

Bell K (1991). Aspekte weiblicher Entwicklung. Forum Psychoanal. 7: 111-126.

Benjamin J. (1990). Die Fesseln der Liebe. Stroemfeld / Roter Sten, Frankfurt a. M.

Bergman A (1982). Considerations about the developments of the girl during the separation-individuation process. In: Mendell D. (ed.) Early female development. MTP-Press, Lancaster.

Bernstein D. (1993). Weibliche genitale Aengste und Konflikte. Psyche 47: 530-559.

Burkhardt C. (1994). Weiblicher Masochismus – Normalitaet oder Pathologie. In: Streeck U., Bell K. (Hrsg) Die Psychoanalyse schwerer psychischer Erkrankungen. Pfeiffer, Muenchen.

Cherazi S. (1988). Zur Psychology der Weiblichkeit. Psyche 42: 307-327.

Chodorow N. (1985). Das Erbe der Muetter. Frauoffensive, Muenchen.

Dalsimer K (1993). Vom Maedchen zur Frau. Springer, Berlin, Heidelberg, New York.

Flaake K (1992). Die Beziehung zwischen Muettern und Toechtern. Psyche 46: 642-652.

Friday N. (1977). Wie meine Mutter. Goverts, Frankfurt a. M. (1979).

Gilligan C. (1982). Die andere Stimme. Piper, Muenchen (1984).

Glover L., Mendell D. (1982). A suggested developmental sequence for a preoedipal genital phase. In: Mendell D. (ed.) Early female development. MTP-Press, Lancaster.

Haase H. (1992). Die Preisgabe: Ueberlegungen zur Bedeutung der Menstruation in der Mutter-Tochter-Beziehung. In: Flaake K., King V. (Hrsg) Weibliche Adoleszenz. Champus, Frankfurt a. M., New York, S.166-185.

Jacobson E. (1964). Das Selbst und die Welt der Objekte. Suhrkamp, Frankfurt a. M. (1978).

Kerz-Ruehling I. (1991). Psychoanalyse und Weiblichkeit. Psychoanal. Theor. Prax 6: 293-316.

Kestenberg J. (1988). Entwicklungsphasen weiblicher Identitaet. Psyche 42: 349-364.

King V. (1995). Die Urszene der Psychoanalyse. Verlag internationale Psychoanalyse, Muenchen, Wien.

Laufer M.E. (1994). Erne gescheiterte Analyse. Analytische Kinder- und Jugendlichenpsychotherapie, 15: 125-137.

Laxness H. (1931). Salka Valka. Ullstein, Frankfurt a. M. (1987).

Lerner H. (1977). Elterliche Fehlbenennungen der weiblichen genitalien als Faktor bei der Erzeugung von Penisneid und Lernhemmungen. Psyche 34: 1092-1104 (1980).

Leuzinger-Bohleber M. (1994). Die Medea-Phantasie Æ eine unbewusste Determinante archaischer Weiblichkeitskonflikte bei einigen psychogen sterilen Frauen. Arbeit zum Erwerb der Mitgliedschaft in der Deutschen Psychoanalytischen Vereinigung.

Mertens W. (1992). Entwicklung der Psychosexualitaet und der Geschlechtsidentitaet, Bd 1. Kohlhammer, Stuttgart Berlin Koeln.

Mertens W. (1994). Entwicklung der Psychosexualitaet und der Geschlechtsidentitaet, Bd 2. Kohlhammer, Stuttgart, Berlin, Koeln.

Mitscherlich M. (1975). Psychoanalyse und weibliche Sexualitaet. Psyche 29: 769-788.

Ogden T.H. (1987). The transitional oedipal relationship in female development. Int. J. Psychoanal. 86: 485-498.

Olivier C. (1987). Jokastes Kinder. Claassen, Duesseldorf.

Stern D. (1985). The interpersonal world of the infant. Basic Books, New York.

Stern D. (1995). The motherhood constellation. A unified view of parent-infant-psychotherapy. Basic Books, New York.